

УДК 398.224(=512.157)

DOI 10.25587/2782-4861-2023-3-79-88

Т. Н. Николаева

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЭПИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского)

Аннотация. В статье освещается проблема зрительного восприятия эпической картины мира в тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» («Дьулдуруйар Ньургун Боотур») П. А. Ойунского. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы зрительного восприятия на материале эпических сказаний. Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка интерпретации функционально-семантических особенностей глаголов со значением зрительного восприятия на материале данного эпического текста. Цель – выявление и описание языковых средств объективации зрительного восприятия как сенсорного процесса с точки зрения их функционирования в эпической картине мира. Для достижения цели использован комплекс методик: метод сплошной выборки для сбора практического материала из текста, компонентный и дефиниционный виды семантического анализа, которые предполагают анализ значений слов через выделение основных компонентов – сем, контекстуальный анализ для изучения функциональной специфики языковой единицы в зависимости от контекста. Фактическим материалом послужили 115 фрагментов контекстного употребления глаголов зрительного восприятия, при этом анализу подвергаются глаголы зрения не только с позиции главного героя как наблюдателя, но и других персонажей. В результате проведенного исследования выявлено, что репрезентация зрительного восприятия осуществляется 4 глагольными единицами (*көр-*, *одуулаа-*, *олоотоо-*, *харахтаа-*), которые демонстрируют дифференциальные особенности семантики данного класса глаголов зрения, из них по частотности выделяется глагол *көр-* ‘смотреть, видеть’, на долю которого приходится наибольшее количество примеров. Из-за формата статьи остался не исследованным важный семантический компонент – *харах* ‘глаз/глаза’, которые, по мнению исследователей, именуются орудием или инструментом зрительного восприятия. Существует определенное количество научных работ, посвященных изучению особенностей концептуальной интерпретации понятия «глаз/глаза». Считаем, что проведенное исследование найдет свое продолжение с привлечением материала по данной проблематике.

Ключевые слова: эпос олонхо; зрительное восприятие; ситуация зрительного восприятия; глагол зрительного восприятия; якутский язык; процесс восприятия; семантика; субъект; объект; эпическая картина мира

Для цитирования: Николаева Т. Н. Зрительное восприятие эпической картины мира (на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского) // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 79–88. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-79-88.

НИКОЛАЕВА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0002-7346-9737.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

NIKOLAEVA Tatiana Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of German Language and Literature, Institute of Modern Languages and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0002-7346-9737.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Т. N. Nikolaeva
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Visual perception of the epic world picture: the case of the olonkho *Nurgun Bootur the Swift* by Platon Oyunsky

Abstract. The article highlights the problem of visual perception of the epic picture of the world in the text of the olonkho *Nurgun Botur the Swift* by Platon Oyunsky. The relevance of the study is justified by the insufficient study of the problem of visual perception based on the analysis of epic tales. The novelty of the research lies in the fact that for the first time an attempt was made to interpret the functional and semantic features of verbs with the meaning of visual perception on the material of this epic text. The aim is to identify and describe the linguistic means of objectifying visual perception as a sensory process from the point of view of their functioning in the epic world picture. To achieve the goal, a set of techniques was used: the continuous sampling method for collecting practical material from the text, component and definitional types of semantic analysis, which involve the analysis of words meanings through the allocation of the main components – semes, contextual analysis to study the functional specificity of a language unit depending on the context. The actual material was 115 fragments of contextual use of visual perception verbs, while the verbs of vision are analyzed not only from the position of the main character as an observer, but also other characters. As a result of the study, it was revealed that the representation of visual perception is carried out by 4 verbal units (*ker-*, *oduulaa-*, *olootoo-*, *kharakhtaa-*), which demonstrate the differential features of the semantics of this class of verbs of vision, of which the verb *ker-* is distinguished by frequency – ‘to look, to see’, which accounts for the largest number of examples. Due to the format of the article, an important semantic component remained unexplored – *kharakh* ‘eye/eyes’, which, according to researchers, are referred to as a tool or instrument of visual perception. There is a certain number of scientific papers devoted to the study of the features of the conceptual interpretation of the concept of “eye/eyes”. We believe that the conducted research will be continued with the involvement of material on this issue.

Keywords: olonkho; visual perception; situation of visual perception; perceptual verbs; Yakut language; perception process; semantics; subject; object; epic picture of the world

For citation: Nikolaeva T. N. Visual perception of the epic world picture (based on the olonkho *Nyurgun Bootur the Swift* by Platon Oyunsky). *Epic studies*. 2023; (3): 79–88. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-79-88.

Введение

Материалом для исследования послужил текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» («Дьулуруйар Ньургун Боотур») П. А. Ойунского [1; 2; 3], в котором, как и в других эпических произведениях, заложены принципы народной энциклопедии и представлено неисчерпаемое богатство фольклорного языка как активного ретранслятора мировидения саха, что становится объектом пристального внимания научной мысли в русле тенденций современной лингвистики. Об этом свидетельствует растущее число исследований, которые направлены в конечном счете на осмысление древнего миропонимания олонхо в рамках новых научных парадигм.

Например, исследование кодовых наборов М. Т. Сатанар в контексте организации пространственно-временного континуума олонхо с учетом возможности присутствия в текстах элементов космологических представлений показало, что в лексической системе олонхо обнаруживаются и переплетаются признаки мифологического мышления и научные знания в «свернутом» виде [4, с. 302–319].

Согласно Л. Н. Герасимовой, изобразительные глаголы, как специальные речевые средства, не только способствуют лучшему раскрытию и пониманию содержания концепта «Богатырь». По мнению автора, употребление изобразительных глаголов сказителями настраивает слушателей на осознанное, активное восприятие, что, в свою очередь, отражает развитое воображение и образное мышление носителей языка [5, с. 98–104].

Интересным и перспективным представляется рассуждение Л. В. Роббек о философской мысли якутского эпоса, смысл которого сводится к лексикографированию формульных

конструкций как одного из важных составляющих эпического текста в русле вышеуказанной концепции [6, с. 168–173].

Базируясь на трудах предшественников, Р. Н. Анисимов обозначил траекторию дальнейшего комплексного изучения олонхо, в числе которых автор считает важным активизировать научные исследования, направленные на толкование, понимание совокупности установок индивида / социальной группы мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом [7, с. 94–106].

Таким образом, отмеченная динамика научных достижений последних десятилетий выявила определенную степень разработанности общих и частных проблем языка олонхо, обозначила новые перспективные задачи комплексного изучения и научного осмысления эпических сказаний. И по справедливому замечанию В. Н. Иванова, «важно вникнуть в особенности эпического сознания и искусства сказителей, в сферу эпической среды и в сферу восприятия эпического слова слушателями» [8, с. 89–94].

Рассматриваемая в данной работе проблема зрительного восприятия на материале эпического сказания затрагивает вопрос изучения глаголов, функционирующих в качестве актантов процесса восприятия, результатом которого выступает перцептивный образ объекта. Данные глаголы представляют интерес и с точки зрения изучения их соотношения в зрительном и ментальном аспектах, т. е. отследить какие глаголы зрительного восприятия развивают ментальное значение.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы восприятия, в частности, зрительного восприятия на материале якутских эпических текстов.

Характеристика ситуации зрительного восприятия

Восприятие, по мнению М. Д. Чертыковой, есть основа взаимодействия человека с окружающим миром. Автор пишет, что «среди перцептивных, познавательных систем немало-важную роль играет зрительное и слуховое восприятие, т. к. считается, что большая часть информации из внешнего мира в мозг человека поступает через зрение и слух» [9, с. 78–91]. Актуализация особенностей зрительного восприятия на уровне языка привлекает растущий интерес исследователей, в работе которых затрагивается данный вопрос в рамках когнитивной лингвистики (М. Д. Падучева, И. Ю. Колесов, Дария Слупянек-Тайнерт, М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин) и т. д.

Е. В. Падучева считает, что «восприятие можно представить – в свете лингвистических данных – состоящим из двух этапов. Первый этап – физиологический, когда орган восприятия участвует в ситуации на правах своего рода орудия. Если речь идет о зрительном восприятии, то на этом физиологическом этапе возникает зрительный образ предмета (или ситуации), включающий форму, цвет, размер – все характеристики, которые можно наблюдать глазами. На втором этапе зрительный образ подвергается ментальной «обработке»; производится таксономическая идентификация (*увидел березу*), а быть может, также установление тождества предмета с априорной его дескрипцией, выявление свойств, приписывание оценок (*увидел подходящее дерево*)» [10, с. 219–220].

И. Ю. Колесов полагает, что зрительное восприятие как активный процесс отражения окружающей человека действительности, осуществляемый психофизиологически при помощи органов зрения, протекает как сложный когнитивный процесс построения схематизированных ментальных репрезентаций тех сущностей и феноменов мира, на которые направлено внимание и познавательная активность наблюдателя. Восприятие как когнитивно-мыслительный процесс осуществляется как деятельность перцептивной системы – интегрированного единства субъекта восприятия, воспринимаемого объекта и объединяющей их деятельности (процесса) восприятия [11, с. 323].

Дария Слупянек-Тайнерт подвергает анализу русские и польские глаголы зрительного восприятия с точки зрения их функционирования в русской и польской картинах мира,

реконструированных с перспективы антропоцентризма. Проведенный анализ словарных и контекстуальных употреблений глаголов зрительной перцепции позволяет выделить четыре группы общих значений:

- 1) видение vs. человек как биологическое существо,
- 2) видение vs. человек как испытывающее существо,
- 3) видение vs. человек как социальное существо,
- 4) видение vs. человек как интеллектуально активное существо.

Автор подчеркивает совместимость и взаимовлияние видения и ментальных процессов, что открывает перспективу для выявления потенциала глаголов зрительной перцепции как единиц, сосредоточивающих в себе многочисленные факторы, группирующиеся, прежде всего, вокруг человека как биологического, испытывающего, социального и интеллектуально активного существа [12, с. 93].

В своем исследовании М. Д. Чертыкова, М. Д. Каксин выделяют доминирующий характер базового глагола *көр*- ‘смотреть, видеть’, суть которого сводится к способности обеспечить все необходимое когнитивное представление о восприятии окружающего мира во всем его многообразии. Авторы выявили, что при богатейшем и обширном словарном запасе героического сказания «Албынчы» процесс зрительного восприятия обозначается только одним глаголом *көр*- ‘смотреть, видеть’. Таким образом, все необходимые аспекты богатырского видения мира обеспечиваются этим глаголом, и очень редко другим дифференцированным перцептивным глаголом *хара*-, семантическая структура которого представлена следующим образом: 1) пристально смотреть, всматриваться; 2) обозревать что-либо; 3) обращать внимание, (издали) наблюдать; присматривать, смотреть за кем-либо [13, с. 14–29].

Подводя итог сказанному, следует отметить растущий интерес исследователей к изучению зрительного восприятия на языковом уровне, а именно, к определению лексических единиц зрительной перцепции на основе их семантических признаков, при этом значительная роль отводится дифференциации класса глаголов данной лексико-семантической группы.

Целью настоящей работы является выявление и описание языковых средств объективации зрительного восприятия как сенсорного процесса с точки зрения их функционирования в эпической картине мира. Для выполнения поставленной цели обратимся к словарным толкованиям и контекстному употреблению глаголов зрительного восприятия. Словарной базой послужил «Большой толковый словарь якутского языка» под редакцией П. А. Слепцова.

Релевантным в контексте постановки вопроса рассматривается лингвистическое описание богатырского видения мира на примере хакасского героического сказания «Албынчы», представленное в работе М. Д. Чертыковой, А. Д. Каксина [13, с. 14–29].

Языковым материалом исследования послужили глагольные лексемы визуального восприятия, извлеченные методом сплошной выборки из текста олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» [1; 2; 3]. Мы насчитываем 115 фрагментов контекстного употребления глаголов зрительного восприятия, при этом анализу подвергаются глаголы зрения не только с позиции главного героя как наблюдателя, но и других персонажей.

В исследовании использован комплекс методик: метод сплошной выборки для сбора практического материала из текста, компонентный и дефиниционный виды семантического анализа, которые предполагают анализ значений слов через выделение основных компонентов – сем, контекстуальный анализ для изучения функциональной специфики языковой единицы в зависимости от контекста.

И. Ю. Колесов считает, что «зрительное восприятие осуществляется главным образом как процесс, поэтому естественно, что основным видом его актуализации в языке являются глаголы как номинаторы процессов...» [14, с. 23].

Номинирующие данный процесс глаголы неоднородны по своей семантике, поэтому они по-разному репрезентируют ситуацию зрительного восприятия.

Выявлено, что процесс зрительной перцепции в данном тексте осуществляется, в основном, лексической единицей – базовым глаголом *көр-*, который в «Большом толковом словаре якутского языка» имеет дефиницию: «направлять взгляд на кого-, что-либо, смотреть, видеть» [15, с. 317], лишь в отдельных случаях – синонимичными глаголами *одуулаа-*, имеющий значение «пристально смотреть, рассматривать кого-, что-либо, всматриваться во что-либо» [ср. др.-тюрк. *адухла* ‘любопытствовать, интересоваться’, куманд. *адула* ‘наблюдать’, *адуула* ‘почитать, оказывать почтение; наблюдать’] [16, с. 226]; дефиниция глагола *олоотоо-* представлена следующим образом: «смотреть вдаль, запрокидывая голову; внимательно и зорко смотреть, медленно поворачивая голову из стороны в сторону» [16, с. 262]; *харахтаа-*, который наделен значением: «видеть, встречать кого-либо, сталкиваться с кем-либо» [17, с. 382].

Более развернуто глагол *көр-* рассматривается в статье В. Д. Монастырева, где автор определяет дифференциальные признаки его семантики как многозначного глагола визуальной направленности [18, с. 222–226].

При описании семантики глаголов со значением зрительного восприятия обратим внимание на мнение М. Д. Чертыковой, смысл которого сводится к учету таких смысловых признаков, как видимость объекта, дистанционное расположение объекта относительно субъекта, широта охвата пространства, доступного зрению, местонахождение субъекта и т. д. [9, с. 78–91].

Таким образом следует отметить, что в структуре глагола присутствуют такие семантические актанты, как субъект восприятия (наблюдатель), объект восприятия, инструмент (глаза) и место.

Глагол *көр-* как репрезентант зрительного восприятия

Способность воспринимать, различать и усваивать окружающий мир олонхо осуществляется, в основном, глаголом *көр-*, который является широкоупотребительным, наиболее частотным и содержательным по сравнению с остальными синонимичными глаголами, обладающими дифференциальными компонентами восприятия зрением. Согласно дефиниции, его значение можно интерпретировать и как глагола направленного зрения, и как глагола без семы направленности, или другими словами, как глагол преднамеренного и непреднамеренного восприятия в зависимости от характера воспринимающего субъекта.

Изучая функционирование данного глагола в эпической картине мира, мы учитываем специальное исследование М. Д. Чертыковой относительно семантической структуры глагола *көр-* ‘смотреть, видеть’, который представлен во всех тюркских и в древнетюркском языках. Автор обращает внимание на свойство глагола сочетать функции двух базовых глаголов зрительного восприятия русского языка «смотреть» и «видеть», чему способствует не только его обширная семантика, но и словообразовательные и структурно-аналитические возможности [19, с. 144–154].

В тексте олонхо, в основном, отмечены случаи употребления глагола *көр-* с семантическим признаком «направление взгляда» субъекта в сторону доступного зрению предмета (объекта), находящегося в пространстве, например: *Күн диэки көрдөххө / Күнү көхсүнэн бүөлүүр, / Бй диэки көрдөххө / Бйы ытыһынан сабардыыр* [1, с. 73] – ‘Солнце он заслоняет спиной, / Ладонью – луну’ [20, с. 33] (букв. Если смотреть в сторону солнца, он заслоняет его спиной, / Если смотреть в сторону луны, то ладонью заслоняет ее). Во фрагменте представлено описание могучего телосложения богатыря. Направленность зрения (взгляда) объекта обуславливается, уточняется наличием послелога *диэки* – смотреть в сторону солнца, смотреть в сторону луны, имеющего в зависимости от контекста такие значения, как ‘в сторону’, ‘в направлении’, ‘по направлению’ и т. д.

Послелог *диэки* со значением направленности взгляда находим в примере: *Орто дойду улуу дуолана / Олоро түстэ, / ол-бу диэки көрдө* [2, с. 98] – ‘Вскочил Нюргун Боотур / огляделся вокруг’ [20, с. 181]. Уточняющее направленность взгляда выражение *ол-бу диэки көр* означает «смотреть туда-сюда, в разные стороны, в ту и другую сторону, оглядываться» и актуализируется в ситуации намеренного изучения зримого пространства со стороны наблюдающего, целью

которого в данном контексте является охват взглядом преимущественно близкорасположенного от субъекта пространства.

«Смотреть вокруг себя, кругом, озираться во все стороны» имеется в примере: *Манлык бэйэлээх / Мааны дьээнн / Ис бараанын / Эргиччи көрбүтүм* [1, с. 151] – ‘Если в дом войдем, / **Поглядим**, / Как устроен он изнутри, / Чем такой богатый дом снаряжен’ [20, с. 68]. Во фрагменте текста представлено описание внутреннего устройства богатого дома. Озираться во все стороны, осматриваться, смотреть вокруг себя как процесс целенаправленной зрительной перцепции, означающий освоение, изучение окружающего субъекта пространства, дополняется конкретизируется наречием *эргиччи* ‘вокруг, кругом’.

Смотрение прямо в глаза кому-либо, устремление прямого взгляда на объект при помощи наречия *утары* ‘против, напротив’ зафиксировано в примере: *Убайын диэки / Уоттаах собуштук / Утары көрөн баран, / Сага аллайан / Сандаа көмүс тиһэ / Туртангы турдаба* [1, с. 216] – ‘**К брату старшему подошел**, / Блистающий небесным огнем / **Взгляд на него устремил** / И такое слово / Молвил ему’ [20, с. 98]. Направленность взгляда субъекта на объект дополняется наличием послелога *диэки*.

Фиксация направленности взгляда вверх может быть сформирована движением, поднятием головы вверх, чтобы установить, рассмотреть, разглядеть видимый объект и делать выводы, как, например, в следующем фрагменте: *Дьонноро-уруулара / Хайдахтара эбитэ буолла диэн / Хантайан көрдөхпүнэ* [1, с. 15], где представлена ситуация целенаправленного взгляда вверх, для чего субъект должен приложить усилия с целью познания объекта, т. е. получения знания (информации).

Зрительное восприятие может быть реализовано направленностью взора вверх, чтобы вспомнить, обдумать, собраться мыслями, оценить создавшуюся ситуацию для принятия решения. Данное действие находит свое выражение в контексте добавочного наличия парных деепричастий глаголов *өйдүүн-дьүүлээн*, в некоторых фрагментах *өйдөөн-дьүүлээн*, которое можно интерпретировать как «рассудить-обдумать в целях установления истины, приемлемого способа»: *Өйдүүн-дьүүлээн / Өрө көрөн кээспитэ* – далее следует описание увиденного [1, с. 227], который можно передать как «рассудив-обдумав, поднял вверх свой взор». В тексте олонхо обращает на себя внимание неоднократное употребление деепричастной формы *өйдүүн-дьүүлээн* от *өйдөө-дьүүлээ* «рассудить, установить истину, решить, оценить ситуацию» в сочетании с процессом зрительного восприятия – «поднять глаза (взор) вверх, посмотреть вверх».

Направленность быстрого взгляда во внутрь чего-либо, например, замкнутого пространства, помещения, выявлена в следующем примере: *Тигини турар тимир дьыэбэ / Тиийэн кэллэбэ... / Бижэс гынан, / Биш баттанан, / Өйдүүн-дьүүлээн / Өнөс гынан көрбүтэ* [1, с. 180] – ‘Быстро он достиг / Железного гремящего дома... / Молниеносно **окинул он взором** дом’ [20, с. 81]. Здесь дается описание сцены, как Нюргун Боотур увидел издалика кузницу кузнеца-чародея. Глагол *өнөй-* ‘выглядывать’ или ‘заглядывать’ с собой моментального действия.

Конкретизация зрительного восприятия в данном контексте с направлением взгляда сверху вниз (наклонившись вниз) передается деепричастием *өнөй+өн* от «смотреть, высунувшись откуда-то, показавшись наружу; высматривать»: *Бэри диэн бэккиһээн, / Бэкис гына түһэн / Өйдүүн-дьүүлээн / Өнөйөн көрбүтэ* [2, с. 101]. В данной ситуации дается описание, как Нюргун Боотур увидел лес, удивился, выпрямился, прикинул-подумал, нагнувшись, заглянул во-внутрь, т. к. услышал под землей человеческие голоса.

Смотреть вдаль в поисках кого-, чего-либо можно, приложив ладонь козырьком ко лбу, как в следующем примере, где дается описание целенаправленного зрительного восприятия отдаленного объекта ведьмой подземных глубин: *Адъарайым кыһа / Арбаа халлаан / Алын кыры-тынан / Чарачыланан көрдө... / Чарачыланна дабаны / Таба көрбөтө быһыылаах* [2, с. 64] – ‘Пригибаясь низко к земле, / **Пристально из-под ладони** она / **Высматривала жениха**, / Да никак **разглядеть не могла**’ (про ведьму подземных глубин) [20, с. 164].

Словарное толкование лексемы *чаранчылан* представлено следующим образом: «прикрывать, заслонять глаза рукой, приложив ее ко лбу козырьком (от света или чтобы смотреть вдаль)» [21, с. 117].

Глагол *одуулаа*- как репрезентант зрительного восприятия

Ситуация зрительного восприятия развивается функционированием глагола *одуулаа*- в сочетании с глаголом *көр*-, и эта существенная деталь закреплена во всех примерах. Как свидетельствует словарная дефиниция, глагол *одуулаа*- выступает синонимом к глаголу *көр*-, однако наделен семой внимательного изучения, разглядывания наблюдаемого объекта, тем самым в нижеприведенных фрагментах он в качестве деепричастия придает добавочный признак к основному действию. Например: *Ол иһэн / Ол-бу диэки / Одуулаан көрбүтэ* [2, с. 167] – ‘А когда до самого низа дошел, / **Осмотрелся и увидал**’ [20, с. 210]. В данном фрагменте описана локация железного чулана, к косякам которого в кандалах стояли богатырь Кюн Джирибинэ и Прекрасная Туйаарыма Куо.

В описании сцены превращения Нюргуна Боотура в горностая процесс созерцания окружающей действительности происходит с позиции данного зверька со свойственными ему повадками: *Ол тахсан туран / Одуулаан көрбүтэ* [2, с. 108] – ‘На задних лапках привстал, / **Огляделся и увидал**’ [20, с. 184].

Комбинация двух перцептивных глаголов сохраняется и в следующем примере, где взгляд направлен в сторону рассматриваемых объектов события, при этом субъект намерен получить (получает) информацию в результате длительного наблюдения: *«Саха буоллум» диэн / Сана аллайан, / Сабырыйан туран / Ойобун диэки / Одуулаан көрбүтэ: / Көрөр харахтаах көрбөтөх, / Көрүөхтэн кэрэ сүөргү үчүгэй* [1, с. 60–61] – ‘Так Саха Саарын Тойон / В возбуждении радостном говорил, / **Глазами вокруг себя** / Поводя, как пугливый конь, / Удивляясь, что стал отцом, / Радуюсь детищу своему / **Поглядел потом на жену** / И **увидел** диво еще: / Девочка невиданной красоты’ [20, с. 28].

В следующем примере представлена ситуация наблюдения верховного божества Юрюнг Аар Тойона сверху: *Орто туруу дойдуну / Одуулаан көрөн олодохпуна* [1, с. 127] – ‘Я давно отсюда сверху **гляжу** / На обитаемый Средний мир, / На окруженный горами простор’ [20, с. 58]. Процесс обработки полученной информации можно интерпретировать: небесные абаасы растоптали прекрасную землю, исполины подземных бездн истребили, сожгли изобилие средней земли.

В следующем контексте в значении сочетания глаголов можно обнаружить сему «присмотреться, пристально, внимательно взглядеться, чтобы увидеть, разглядеть» в каких-нибудь, например, новых, других, изменившихся условиях: *Онуоха баара буоллабына / Орто туруу дойду оҕото / Одуулаан көрөн турбута* [2, с. 62] – ‘А как дым улетел, / Как пыль улеглась, / **Увидел** Юрюнг Уолан / (Удивительную адьарайскую дочь)’ [20, с. 164], т. е. страшную ведьму подземных глубин.

Глагол *олоотоо*- как репрезентант зрительного восприятия

Дефиниция глагола *олоотоо*- характеризует семантическую структуру глагола как лексемы, сочетающей в себе такие признаки зрительной перцепции, как: направленность, цель, дистанция, причина, способ достижения результата восприятия, эмоциональное состояние субъекта и т. д. Хотя в «Большом толковом словаре якутского языка» его интерпретация представлена, как «смотреть вдаль, запрокидывая голову; внимательно и зорко смотреть, медленно поворачивая голову из стороны в сторону» [16, с. 262], в нижеприведенном контексте акцентируется интенсивность процесса целенаправленного обозрения расположенного вдаль пространства, которую придают наречия *эргэс-дьэргэс* (*көр*), т. е. «быстрым взглядом, быстро переводя взор с одного предмета на другой (осмотреть)» [22, с. 299] и *эргим-ургум* (*көр*) – «вокруг, кругом (смотреть, оглядываться)» [22, с. 291]. Направленность взгляда поворотом головы туда-сюда усиливает *ол-бу диэки*: *Элийэ ойон тахсан / Ол-бу диэки / Олоотуу турда, / Эргим-ургум /*

Эргэс-чэргэс **көрдө** [1, с. 76] – ‘Прямо в поле / Прянул из дому он, / **Во все стороны поглядел**, / Пасмурный **озирая** простор. / И **увидел**’ [20, с. 36]. Далее дается описание обозримого Кюн Дырибинэ богатырем пространства, в котором он среди прочих объектов выделяет контуры богатыря – исполина, лежащего на боку.

Сема направленности взгляда в разные стороны *ол-бу диэки* ‘туда-сюда’ сохраняется и в следующем примере, что видно из контекста: *Обонньоттор эрэйдээхтэр, / Харахтарын хайа тардаат, / Хатырык отууларыттан тахсан, / Ол-бу диэки / Олооттоон кэбистилэр, / Ол көрбүттэрэ* [2, с. 228] – ‘А как выпалились богатыри, / Как вылезли из шалаша, / Как **протерли свои глаза** – / Онемели от изумленья они / При виде открывшейся красоты’ [20, с. 241].

Глагол *харахтаа-* как репрезентант зрительного восприятия

Зрительное восприятие окружающего мира может быть реализовано глаголом *харахтаа-* в значении «видеть», в основном он реализует себя как глагол нецеленаправленного, пассивного восприятия. Глагол *харахтаа-* по своей семантике соотносится с глаголом *видеть* русского языка. Как показывает материал анализа, количество примеров с этим глаголом заметно уступает общему числу примеров с глаголом *көр-*, который совмещает в себе признаки активного и пассивного восприятия. В первом примере употреблена отрицательная форма глагола *харахтаа* – «не видел» в единственном числе для выражения отсутствия результата видения: *Хантан даа ылбытын / Харахтаабакка хаалла* [2, с. 142] – ‘где взял Уот Усутааки сверкающий меч – **не видел** никто’ (пер. автора статьи).

В втором примере употреблена аналогичная форма для подтверждения отсутствия результата зрительного восприятия: *Ол олодохторуна / Хантан да кэлбитин / Харахтаабакка хааллылар* [2, с. 267] – ‘А откуда беседовали они, – / Откуда – **не видел** никто, – / Перед собранием богатырей / Шестигранный возник адьарай’ [20, с. 257].

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- процесс зрительного восприятия в тексте данного олонхо осуществляется 4 глагольными единицами: *көр-*, *одуулаа-*, *олоотоо-*, *харахтаа-*, которые дифференцируются по семантическим особенностям;
- глагол *көр-* сохраняет признаки ядерного глагола;
- выявлена комбинация (сочетание) двух перцептивных глаголов, один из них – *одуулаа-* в форме деепричастия и *көр-* в основной форме;
- глагол *олоотоо-* репрезентирует целенаправленный процесс зрительного восприятия в сочетании с наречием *ол-бу диэки* ‘туда-сюда’;
- глагол *харахтаа-* по своей семантике соотносится с русским глаголом *видеть* и проявляет себя как глагол пассивного зрительного восприятия;
- глагол *көр-* является основным репрезентантом зрительного процесса и может сочетаться с другим глаголом, который переходит в статус характеризующего зрительный процесс: *одуулаан көр-*. Также он может сочетаться с другими конкретизаторами, выражающими взгляд богатыря в разные направления. Хотя в якутском языке имеются и другие глаголы, включающие в свою семантику данные признаки;
- из-за формата статьи не был рассмотрен компонент *харах* ‘глаз’ / ‘глаза’, который считается инструментом (орудием) процесса зрительного восприятия. Данная тематика станет объектом дальнейших исследований в контексте поставленной проблемы мировосприятия;
- функционально-семантические особенности глаголов, номинирующих перцептивный процесс персонажей текста олонхо представляют большой интерес для дальнейшего исследования.

Литература

1. Ойуунускай, П. А. Айымнылар : сэттэ томнаах. 4 том : Дьулуруйар Ньургун Боотур : [олонхо] : 1, 2, 3 ырыалара. – Якутскай : Саха сиринээҥи кинигэ изд-та, 1959. – 324 с. (На якутском яз.)

2. Ойуунускай, П. А. Айымньылар : сэттэ томнаах. 5 том : Дьулуруйар Ньургун Боотур : [олонхо] : 4, 5, 6 ырыалара. – Якутскай : Саха сиринээби кинигэ изд-та, 1959. – 288 с. (На якутском яз.)
3. Ойуунускай, П. А. Айымньылар: сэттэ томнаах. 6 том : Дьулуруйар Ньургун Боотур : [олонхо] : 7, 8, 9 ырыалара. – Якутскай : Саха сиринээби кинигэ изд-та, 1960. – 312 с. (На якутском яз.)
4. Сатанар, М. Т. Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 302–319. – DOI : 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319.
5. Герасимова, Л. Н. Изобразительные глаголы в репрезентации концепта «Богатырь» в текстах олонхо раннего и позднего периодов // Эпосоведение. – 2021. – № 4. – С. 98–104. – DOI : 10.25587/s7462-4688-3258-v.
6. Роббек, Л. В. Философская линия языка олонхо: вопросы лексикографического представления // Современный ученый. – 2021. – № 2. – С. 168–173.
7. Анисимов, Р. Н. О перспективных задачах комплексного изучения языка олонхо на современном этапе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 3. – С. 94–106. – DOI : 10.25587/l6426-2411-3197-g.
8. Иванов, В. Н. Создание «Энциклопедии олонхо» // Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе России : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 29–30 сентября 2016 г.) – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2016. – С. 89–94.
9. Чертыкова, М. Д. Хакаские периферийные глаголы со значением зрительного восприятия и их лексические соответствия в других тюркских языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – № 4. – С. 78–91.
10. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
11. Колесов, И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). – Барнаул : БГПУ, 2008. – 354 с.
12. Stupianek-Tajnert, D. Когнитивный анализ глаголов зрительной перцепции в русском и польском языках. – Poznań : Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu, 2016. – 301 с.
13. Чертыкова, М. Д., Каксин, А. Д. Языковое выражение богатырского видения мира: на материале героического сказания «Албынчы» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 3. – С. 14–29. – DOI : 10.25587/v7085-9383-3056-d.
14. Колесов, И. Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Барнаул, 2009. – 34 с.
15. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта : в 15 томах. Т. IV (Буква К) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2007. – 708 с. (На якутском и рус. яз.)
16. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. VII (Буквы Нь–П) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 516 с. (На якутском и рус. яз.)
17. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. XIII (Буква Х) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2016. – 639 с. (На якутском и рус. яз.)
18. Монастырев, В. Д. Лексический уровень анализа многозначного глагола якутского языка «көр» // Инновационная наука. – 2015. – № 9. – С. 222–226.
19. Чертыкова, М. Д. Реализация признака «направление взгляда» в семантике хакасского глагола *kör* «смотреть, видеть» // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – № 4. – С. 144–154.
20. Ньургун Боотур Стремительный : Якутский героический эпос-олонхо / [перевел на русский язык В. В. Державин]. – Якутск : Кн. изд-во, 1982. – 432 с.
21. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. XIV (Буквы Ч–Ы) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2017. – 592 с. (На якутском и рус. яз.)
22. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. XV (Буква Э) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2018. – 576 с. (На якутском и рус. яз.)

References

1. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 4: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 1, 2, 3 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1959, 324 p. (In Yakut)
2. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 5: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 4, 5, 6 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1959, 288 p. (In Yakut)
3. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 6: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 7, 8, 9 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1960, 312 p. (In Yakut)
4. Satanar, M. T. Explication of some codes of the Yakut epic olonkho mythological system (Folklore time and space). *Nauchnyi dialog*. 2020, no. 6, pp. 302–319. (In Rus.)
5. Gerasimova, L. N. Image-forming verbs in the representation of the concept “Bogatyр” in olonkho texts of early and late periods. *Epic studies*. 2021, no. 4, pp. 98–104. (In Rus.)
6. Robbek, L. V. Philosophical line of the olonkho language: lexicographic representation issues. *Modern Scientist*. 2021, no. 2, pp. 168–172. (In Rus.)
7. Anisimov, R. N. On the prospective tasks of the integrated study of the olonkho language at the modern stage. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 3, pp. 94–106. (In Rus.)
8. Ivanov, V. N. Creation of the olonkho encyclopedia. In: Regional encyclopedias in the modern scientific infocommunication system of Russia: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 89–94. (In Rus.)
9. Chertykova, M. D. Khakas peripheral verbs in visual reception and their lexical correspondences in other Turkic languages. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2019, no. 4, pp. 78–91. (In Rus.)
10. Paducheva, E. V. Dynamic models in the semantics of vocabulary. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004, 608 p. (In Rus.)
11. Kolesov, I. Y. Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception (based on the material of English and Russian languages). Barnaul, BSPU Publ., 2008, 354 p. (In Rus.)
12. Ślupianek-Tajnert, D. Cognitive analysis of visual perception verbs in Russian and Polish. Poznań, Wydział Neofilologii UAM w Poznań Publ., 2016, 301 p. (In Rus.)
13. Chertykova, M. D., Kaksin, A. D. Linguistic expression of hero’s visual perception: the case of the *Albynchы* heroic legend. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 3, pp. 14–29. (In Rus.)
14. Kolesov, I. Y. Actualization of visual perception in language: cognitive aspect (based on the material of English and Russian). Abstract of the thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Barnaul, 2009, 34 p. (In Rus.)
15. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. IV (Letter K). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007, 708 p. (In Yakut and Rus.)
16. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. VII (Letters N⁷–P). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010, 516 p. (In Yakut and Rus.)
17. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XIII (Letter Kh). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 639 p. (In Yakut and Rus.)
18. Monastыrev, V. D. Lexical level of analysis of the multivalued verb of the Yakut language kor. *Innovation Science*. 2015, no. 9, pp. 222–226. (In Rus.)
19. Chertykova, M. D. Realization of the sign “direction of view” in the semantics of the Khakas verb *kör-* to look, to see. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2018, no. 4, pp. 144–154. (In Rus.)
20. Nyurgun Bootur the Swift. Transl. by V. Derjavin. Yakutsk, Book Publ. House, 1982, 432 p. (In Rus.)
21. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XIV (Letters Ch–Y). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2017, 592 p. (In Yakut and Rus.)
22. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XV (Letter E). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2018, 576 p. (In Yakut and Rus.)